

ЧЕСТНЯКОВ ЕФИМ ВАСИЛЬЕВИЧ

Род. в 1874 г. — ум. в 1961 г. Русский писатель, художник, философ. Родился в крестьянской семье. Учился в Кологривском художественном училище, мастерской живописи и рисования княгини М.К.Тенишевой, Высшем художественном училище при Академии Художеств. Автор живописных полотен из деревенской жизни, рукописных книг, сказок, поделок из глины, собиратель народных песен, частушек. Представитель подлинно народного искусства, оставивший яркий след в отечественной культуре двадцатого столетия.

«РЫЦАРЬ СКАЗОЧНЫХ ЧУДЕС»

*— А ежели таковая, — говорит, —
ваша образованная невежественность,
так отчего же, в которых любовь
к родному сохранилась, не позаботитесь
поддержать своего природного художества?
— Некем, — отвечаю, — нам его, милостивый
государь, поддерживать, потому что в новых
школах художества повсеместное растление
чувства развито и суете ум повинуется.
Высокого вдохновения тип утрачен...»
Н.С.Лесков. Запечатленный ангел*

Сейчас сложно сказать, как развивалось бы русское искусство, если бы не свернуло оно в XVI-XVII вв. в сторону западноевропейской традиции — и в живописи, и в графике. Но можно предположить, что, пойдя оно по иному пути, путь этот во многом совпал бы с творческими поисками Ефима Честнякова.

Ефим Васильевич Честняков (19.12.1874 [по старому стилю], дер. Шаблово, Кологривский р-н, Костромская губ. — 27.06.1961, там же) — русский писатель, художник, философ. Родился он в семье крестьян всего через тринадцать лет после отмены крепостного права и с самого детства оказался в своеобразной атмосфере крестьянского быта, где бедность и тяжкий труд уживались с богатством духовной культуры, таинственностью сказок и посиделок, бесшабашной удалью народных гуляний и праздников. Этот мир был полон загадок, и жившие бок о бок с людьми кикиморы, лизуны да «соседушки» были почти членами семьи — никто даже не сомневался в том, что они существуют.

Большое влияние на будущего художника оказала бабушка Прокофья, которая рассказывала ему сказки «про старину». Да и остальные родственники, каждый по-своему, формировали душу мальчика. «Дедушка был мастер рассказывать про свои приключения: как два раза ходил пешком в Питер (за 1000 верст) депутатом от мужиков хлопотать перед барином, как отбежался от солдатства и пр. Он рассказывал и сказки, и не забуду, как чудно рассказывал. От матери слушал сказки и заунывные мотивы. Отец перед праздниками вслух читал Евангелие. Поэзия бабушки баюкала, матери — хватала за сердце, дедушки — возносила дух, отца — умиротворяла...» (1)

Рисовать Ефим любил с детства. «У меня страсть к рисованию была в самом раннем детстве, лет с 4-х, точно не знаю. Мать моя отдавала последние гроши на бумагу и

карандаши. Когда немного подрос, каждое воскресенье ходил к приходу (4 версты) и неизбежно брал у торговца Титка серой курительной бумаги, причем подолгу любовался королевско-прусскими гусарами, которые украшали крышку сундука, вмещавшего весь товар Титка. В храме особенной моей любовью пользовались Воскресение и Благовещение. Когда идут в город, то со слезами молил купить «красный карандаш», и если привезут за 5 к. цветной карандаш, то я — счастливейший на земле и готов ночь сидеть перед лучиной за рисунком. Но такие драгоценности покупались совсем редко, и я ходил по речке собирать цветные камешки, которые бы красили...» (2)

После школы Честняков хотел учиться дальше, но родители были против. Только несколько лет спустя молодой человек «улепетнул» от матери с отцом и поступил в Кологривское художественное училище, причем попал туда через месяц после начала занятий, но по рисункам был зачислен безо всяких экзаменов. Продолжил образование в учительской семинарии в селе Новое Ярославской губернии (1889-1894), получил там звание народного учителя и был распределен в село Здемирово Костромского уезда. Через год его перевели в Кострому, в начальное училище при приюте для малолетних

преступников, а еще через год — в село Углец Кинешемского уезда Костромской губернии.

Там художник впервые увидел театр и навсегда остался им очарован. Все эти годы — и в училище, и в семинарии, и потом — он много рисовал, и его картины обратили на себя внимание местных ценителей. В 1899 году, собрав немного денег и получив рекомендательные письма, Честняков отправился в Петербург — поступать в Академию Художеств.

Чтобы подготовиться к поступлению, он получил разрешение заниматься в скульптурном музее Академии Художеств. Учился в мастерской живописи и рисования княгини М.К.Тенишевой (3), где царила свободная творческая атмосфера. Но Честнякову сложно было погрузиться в нее с головой. Его одолевали материальные проблемы — в столице надо было на что-то жить, да и из дома постоянно приходили письма с просьбами выслать немного денег. Он продавал картины, писал новые, всякий раз создавая сказочные, необычные образы крестьян, народного быта, обрядов, праздников...

Илья Ефимович Репин очень высоко отзывался о работах молодого художника: «У вас талант. Вы идете своей дорогой, я вас испорчу. Это огонь, это уже ничем не остановишь. Вы уже художник» (4).

Через некоторое время Честняков был принят вольнослушателем в Высшее художественное училище при Академии Художеств, но проучился там лишь до января 1903 года. Скорее всего, из-за материальных трудностей он вынужден был уйти. С осени 1903-го до мая 1904-го учился в Казани. Потом опять на несколько месяцев вернулся в столицу. К сожалению, устроиться там никак не удавалось. Не только из-за нехватки средств — все в городе было чуждо душе художника. И в 1905 году он вернулся обратно в Шаблово (5).

Дома на него свалились повседневные хлопоты и заботы. Он пахал, сеял, собирал урожай, валил лес... При этом каким-то образом умудрялся заниматься творчеством; придумывал и мастерил музыкальные инструменты; по вечерам учил детей письму, чтению и рисованию.

В марте 1913 года Честняков снова приехал в Петербург, всего на несколько месяцев. Он познакомился с поэтом С.М.Городецким и писателем А.П.Чапыгиным. При их содействии в январском номере детского журнала «Солнышко» за 1914 год была опубликована его сказка «Чудесное яблоко», для которой художник выполнил рисунки пером. А затем в издательстве «Медвежонок» вышел целый сборник его сказок — «Чудесное яблоко; Иванушко; Сергиушко».

Странно, но издатель решил выпустить книгу с черно-белыми иллюстрациями, и Чесняков сделал их сам. Да и мог ли кто лучше передать тот волшебный мир, где на старой яблоне в лесу вырастает огромное яблоко, которое можно привезти домой только всей семьей, и старыми и малыми, и которое самим Богом дадено:

«Привезли домой яблоко, и вся деревня сбегалась, глядит:

— Кто вам дал? — спрашивают.

— Бог дал, — отвечает дедушко.

Почали. Стали пробовать: сладкое, душистое, рассыпчатое.

«И мне, просят, и мне!» Дедушко дает всем. Вся деревня наелась, похваливают: такого-де дива не слыхивали. И ели дедушко и бабушка, мужик и баба и ихние ребята — парнеки и девоньки... Кушали сырым, и печеным, и в киселе, и перемерзлым, когда пришли холода. Соседям всем завсегда давали, особенно кто захворает. И хватило им яблока на всю осень и зиму до самого Христова дня».

На этих рисунках в лесу среди деревьев растут огромные грибы, а сказочные гуси-лебеди — добрые, с ними можно просто полетать, а потом вернуться домой... Очень часто сюжеты сказок переходили у Честнякова в картины, в акварельные листы. При этом, как очень точно замечает В.Я.Игнатъев, открывший миру этого удивительного художника: *«Его деятельность невозможно механически разделить на сферы, обособить, а тем более противопоставить друг другу. Он как бы видоизменяет те или иные мотивы, хочет донести свою мысль до собеседника-зрителя и с помощью слова, и с помощью красок»* (6).

Увы, предложений от издателей больше не поступало. Шла Первая Мировая война, до сказок ли тут было?.. Да и сам Честняков, со своим идеализмом, патриархальностью, добротой и чистосердечностью, не вписывался в столичный суетный мир (7).

В 1914 году художник навсегда вернулся в родную деревню. Чтобы удобнее было заниматься творчеством, он реконструировал старую отцовскую избу. Достроил второй этаж и сделал там мастерскую.

Все глубже и глубже проникал он в истоки фольклора, изучал обряды, сам принимал в них участие, писал картины с различными обрядовыми сценами («Ряженые», «Ведение невесты из бани») и повседневными делами крестьян («Пряхи», «Посиделки»). Лепил из глины. Собирал народные песни, частушки, записывал сказки...

«Знатоком старины я себя не считаю, — писал художник, — но желал бы, чтобы была у нашего народа культурная работа... Не то, чтобы не знакомиться с иноземной (и городской) культурой, но чтобы иметь и свою оригинальную творческую жизнь в поэзии и промышленности, и городам быть со своим обликом, отличным от других...» (8)

У первого в округе у Ефима Васильевича появился фотоаппарат, и он активно фотографировал крестьян, детей, крестный ход...

Октябрьскую революцию художник принял двояко. С одной стороны, он писал так:

*Свободны мы, цепей уж нет.
Сияет над страной невиданное утро,
И солнце новое, повсюду виден свет,
И люди все иные...*

А в записной книжке отмечал: *«Пусть дадут помещение, материал: я буду рисовать новую Россию...»* (9)

И в то же время:

*Где-то нищие дерутся —
То российская революция...*

Выступая не столько против происходящих перемен, сколько против безбожия в самой идее коммунизма, он мечтал, что, наконец, осуществляться его идеи возникновения некой универсальной культуры, близкой всем, а жизнь станет стабильнее и благодатнее. Вместе с тем, он искренне верил, что средством прогресса являются не революции и резкие социальные изменения в обществе, а, скорее, нравственное самосовершенствование человека (10).

В первые послереволюционные годы Честняков становится членом Кологривского отделения общества по изучению местного края (1918-1920), работает народным заседателем волостного суда (1920-1925), принимает участие в работе Дворца Пролеткульта, где преподает в художественной и театральной студиях, организует в Шаблово Детский сад (1920-1925). В списке своих занятий с детьми он перечисляет: «Занятия детей: смотрели иллюстрированные книги, журналы и в перерыве — сказки, пословицы. Чтение и рассказы, рисовали от себя карандашом и красками на бумаге. Работы их (листочки и тетрадки) хранятся все...» (11) Ефим Васильевич сам подбирал книги и учебные материалы для своих воспитанников.

*И для кого я пою и играю на лире?
Ах, и песен своих не могу я отдать
за сокровища в мире.
И славы не нужно, и мненья людей,
И мила мне одна лишь улыбка детей (12).*

Между тем, жизнь крестьян в молодом советском государстве становилась все труднее. На руках у художника была старенькая мать, две племянницы-сироты, оставшиеся после смерти одной из сестер и зятя, другая сестра. Времени на творчество почти не оставалось. «Летом — от снега до снега — нет никакого досуга, — писал Честняков о

своей жизни Репину, — даже и по воскресеньям ломовая работа. И зимою мало времени. Ни удобства, ни материалов...» (13)

Денег не хватало настолько, что зачастую не было возможности купить краски. Как в детстве, приходилось собирать камешки по берегу реки, а потом растирать их. Писал он на чем придется — на ситцевых тканях, домотканых холстах, иногда на матрацной ткани. Акварель для своих рукописных книжек использовал самую простую, дешевую, школьную...

Несмотря на все сложности, в Кологриве ему удалось устроить две свои выставки (1924, 1928). Но современники-искусствоведы настороженно относились к работам Честнякова, толком не понимая, в чем, собственно, его обвинять, — то ли в примитивизме, то ли в «буржуазном формализме», то ли в архаичности...

Впрочем, художник придавал мало значения тому, что говорят о его работах. Он — творил: придумывал романы и сказки, создавал музыкальные инструменты, делал, как в средние века, удивительные рукописные книги с рисунками, со своей двухколесной тележкой ходил в соседние деревни «устраивать театр», где разыгрывал сказки с музыкой и персонажами, в качестве которых выступали фигурки из глины.

Всю жизнь он придавал огромное значение красоте: «Красота — святое, что не свято, то не красота... Красота — свет, созидание, творчество, вечность, жизнь...» (14) А еще мечтал о Городе Всеобщего Благоденствия, обетованной сказочной стране, где все были бы счастливы. Недаром герой его «Сказки о крылатых людях» изобретает крылья и помогает своему народу улететь за море, в «благословенную страну».

В одной из его сказок (в поэме-сказке «Свадьба»), написанной уже в 1950-е годы, в образе главного героя проглядывают черты самого художника:

*Фим трудился многи годы,
Окруженный хором муз.
И носился по народу
С грузами своих искусств.
Так в житейских недосугах
Красоту искусств смекал.*

*И проказ же наш Ефимко —
Рыцарь сказочных чудес
Умудрился невидимкой
В сказке жить везде и весь (15).*

Так в таинственном сказочном мире прожил он всю свою жизнь. «Фантазия — она реальна, — писал Ефим Васильевич, — когда фантазия сказку рисует — это уже действительность и потом она войдет в обиход жизни так же, как ковш для питья. И

жизнь будет именно такой, какой рисует ее наша фантазия... Гляди вперед и покажи твои грезы и по красоте твоих грез ты займешь свое место...» (16).

Умер художник тихо, ясным погожим днем. Хоронили его всем миром, а гроб несли на руках четыре километра до кладбища...

От избы его постепенно остался только фундамент, но картины бережно сохранялись в крестьянских семьях, а иногда даже висели в красном углу вместе с иконами (17). Первое «открытие» Честнякова сделано было в 1968 году, благодаря В.Я.Игнатьеву и сотрудникам Костромского художественного музея.

Вот уже не один десяток лет удивляют и радуют мир его картины, но хотелось бы верить, что когда-нибудь и его рукописные книги, и сказки с рисунками будут изданы заново или впервые, а скромный *«рыцарь сказочных чудес»* займет достойное место среди русских художников и писателей, посвятивших свое искусство детям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по изд.: Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. — Кострома, 1995. — С. 13.

2. Там же. — С. 12-13.

3. Свою мастерскую М.К.Тенишева организовала в конце 1894 года совместно с И.Е.Репиным для обучения молодых людей, собирающихся поступать в Академию или уже поступавших, но не сдавших вступительные экзамены. По сути, это были своеобразные подготовительные курсы, какие есть сейчас при многих вузах. Ко времени приезда Честнякова атмосфера студии была полна идеями «мирискусников». На одном курсе с ним учились С.В.Чехонин и В.Н.Левитинский, а старостой группы был И.Я.Билибин.

4. Цит. по изд.: Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. — Кострома, 1995. — С. 47.

5. По воспоминаниям современников, Честняков не оставался таким уж безучастным зрителем петербургских волнений. За участие в демонстрации он, по возвращении в родную деревню, находился под надзором полиции.

6. Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. — Кострома, 1995. — С. 38.

7. Его душа и чувства не принимают столичную жизнь: *«Международная столица мошенников всех стран наподобии Риму стала удивлять зрелищами... Город вдали от своей страны, набегами собирающий дань и содержащий сестер и братьев своих невольниками...»*, — писал Честняков о Петербурге (цит. по изд.: Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. — Кострома, 1995. — С. 48).

8. Цит. по изд.: Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. — Кострома, 1995. — С. 57.

9. Там же. — С. 58.

10. Честняков верил также в большую роль художника в обществе. Не случайно герой одного из его произведений — «Марко Бессчастный и Греза Гензель» — художник, который преображает свой край и управляет счастливым обществом.

11. Цит. по изд.: Игнатьев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. — Кострома, 1995. — С. 68-

69.

12. Там же. — С. 34.

13. Там же. — С. 69.

14. Там же. — С. 35.

15. Там же. — С. 73.

16. Там же. — С. 40.

17. Вообще, жизнь Честнякова после окончательного его возвращения в Шаблово напоминала скорее житие. По свидетельствам крестьян, имело место несколько случаев исцеления больных наложением рук: *«Паренек из соседней деревни, из Овсянникова... не разговаривал... нисколько не взговаривал... Ефим пришел, и привели этого мальчика... Видимо, погладил по головке... что-то сказал там... Он только прикосновением... по головке погладит... Мальчик обратно домой пошел и взял газету, и стал читать (вслух), и разговаривать после этого стал...»* (Цветков Сергей Александрович, г. Кологрив). Многим крестьянам он предсказывал будущее. Так, Веселов Василий Спиридонович (пос. Варденга) рассказывал: *«Он меня рисовал... и вдруг на пиджаке звездочку нарисовал, а у меня ее и не было... А потом, когда война получилась... мне дали орден Красной Звезды за смелость, в атаке были...»* Поварова Дина Ивановна (пос. Красный Бор) вспоминала, как о само собой разумеющемся: *«...с Богом, наверное, он znalся...»* И поясняла: *«...над евонным домом вот увидели, шо как ангела трипещуца. Как все, говорит, воссияло, говорит, как огненный... это, как говорят, ангела прилетели... эти ангела-то с крылышками...»*